К ИСТОРИИ РАЗЛОЖЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

А. М. Разгон

Одной из важных проблем генезиса капитализма в России является вопрос о судьбах крестьянства, ибо изменения, происходившие в деревне, в значительной мере определяли характер социально-экономического развития страны, степень развития капиталистических отношений. К сожалению, эта проблема оказалась вне поля зрения участников дискуссий о формировании капиталистического уклада в России и о характере русской мануфактуры. Между тем именно разложение крестьянства лежало в основе формирования внутреннего рынка, при этом длительное вызревание капиталистического уклада в недрах феодальной формации порождало специфические условия разложения крестьянства, выяснение которых позволило бы по-иному поставить многие вопросы, связанные с ростом капиталистической мануфактуры, формированием рынка рабочей силы, зарождением буржуазии и др.

Классический образец исследования проблемы разложения крестьянства как совокупности «всех экономических противоречий в крестьянстве...»[1] мы находим в трудах В. И. Ленина. В. И. Ленин вскрыл несостоятельность попыток народнической и буржуазной историографии свести это явление к одному лишь имущественному неравенству. Он показал, что развитие капитализма ведет к разложению крестьянства, к возникновению «новых типов» сельского населения, характерных для капиталистического общества. Имущественное неравенство являлось лишь предпосылкой социального расслоения крестьянства, причем зачатки разложения крестьянства появились задолго до победы капиталистических отношений, «еще при господстве натурального хозяйства, при первом же расширении самостоятельности зависимых крестьян»[2]. Развитие капиталистических отношений и углубление экономических противоречий привели к завершающей стадии разложения крестьянства — образованию классов капиталистического общества.

Советская историческая литература уже обращалась к исследованию вопроса о разложении крестьянства, особенно во второй половине XVIII в., когда происходило значительное углубление социально-экономических противоречий[3]. Данная статья исследует вопрос о разложении крестьянства в центральном промышленном районе, где экономические противоречия прослеживаются с наибольшей отчетливостью.

★

Изучение промышленного села Иванова (Владимирская губерния) и окружавшего его района дает обильный фактический материал для суждения о характере разложения крестьянства во второй половине XVIII века. Необходимо учитывать, однако, что этот район был одним из наиболее развитых в промышленном отношении. Вместе с тем экономические противоречия, которые со всей очевидностью фиксируются в наиболее развитом районе страны, могут быть поняты только в свете тех социально-экономических изменений, которые наметились во второй половине XVIII в. в стране в целом. Документы, имеющиеся в нашем распоряжении, освещают преимущественно последнюю четверть века, но сведения, ими сообщаемые, как бы подводят итог процессу, начало которого относится к гораздо более раннему времени.

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 141.

[2] Там же, стр. 143.

[3] С. И. Архангельский. Очерки по истории промышленного пролетариата Н. Новгорода и Нижегородской области XVII—XVIII вв. Горький. 1950; Е. И. Дратохруст. Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. «Исторические записки» АН СССР, № 4, 1938 г.; Г. Н. Бибиков. Расслоение крепостного крестьянства в барщинной вотчине в конце XVIII и начале XIX в. «Исторические записки» АН СССР, № 4, 1938; К. В. Сивков. К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. «Исторические записки» АН СССР, № 11, 1941 г; Т. Рябков. Развитие капиталистических отношений в крепостном хозяйстве в конце XVIII и в первой половине XIX в. (диссертация); Б. Н. Васильев. Формирование пролетариата текстильной промышленности в Шуйском районе (диссертация).

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Исследование вопроса о разложении крестьянства требует конкретного анализа экономики крестьянского хозяйства. Применительно к Ивановскому району необходимо изучение не только сельского хозяйства, но и крестьянской промышленности, так как удельный вес последней в экономике крестьянского хозяйства промышленного села был исключительно велик. Население деревень, окружавших промышленное село, оставалось преимущественно земледельческим. Но в этих деревнях наблюдался все более прогрессирующий отрыв крестьян от земледелия и переход к промышленным занятиям. К середине XVIII в. окончательно определилась торгово-промышленная специализация Ивановского района, намечавшаяся еще с XVII века. И. В. Мешалин, изучавший крестьянскую текстильную промышленность, отметил значительное развитие в этом районе мелкотоварного производства к середине XVIII века[4]. По документам начала 40-х годов, в селе Иванове значилось 93 наемных и покупных работника в 44 крестьянских дворах[5]. Кроме того, на мануфактуре Гр. Бутримова работало более 50 наемных работных людей. Многие крестьяне успели к этому времени накопить капиталы и превратиться в собственников «покупных» земель и крепостных крестьян, во владельцев лавок, солодовен, пивоварен и т. п.[6]. С другой стороны, разорившиеся крестьяне переходили к работе по найму, забрасывая при этом земледелие.

Показателем степени развития мелкотоварного производства и расслоения крестьянства явился рост мануфактуры на базе мелких промыслов. Появление первых крестьянских мануфактур относится к 40-м годам XVIII в. (предприятия Гр. Бутримова — 1741—1742 гг. и И. Грачева — 1748 г.). Крепостные мануфактуристы эксплуатировали сотни наемных работных людей, в том числе и своих односельчан. Выделение крупных предприятий происходило особенно интенсивно с 60-х годов XVIII века. В начале 60-х годов становится известен как крупный предприниматель крестьянин И. Гарелин, завладевший мануфактурой умершего Гр. Бутримова. С 1766 г. известно предприятие Соковых[7]; к 60-м годам историк села Иванова Я. Гарелин относит начало работы предприятия И. И. Ишинского; 70-ми годами ведомости датируют появление 12 предприятий, в том числе предприятия известных во второй половине XVIII в. крестьян-предпринимателей: И. Ямановского, В. Хухлычева, А. Гандурина, М. Пономарева и других. В 80-х годах возникло еще до 24 предприятий[8]. Дальнейшее развитие крестьянской промышленности вело к изменению всей экономической структуры крестьянского хозяйства и сопровождалось массовым разорением мелкотоварных производителей и переходом их к работе по найму, с одной стороны, и ростом крупных предприятий типа мануфактуры — с другой. В конце века из 1 057 крестьян-тяглецов промышленного села только 57 занимались сельским хозяйством наряду с промыслами. Остальные окончательно перешли к промысловым занятиям.

Состояние крестьянского хозяйства во второй половине XVIII в. можно проследить на основе архивных документов вотчинного правления, среди которых первостепенное значение принадлежит подворным описям. Среди крестьянства Ивановского района в последней четверти XVIII в. можно выделить три отличающиеся друг от друга группы крестьян, причем соотношение и характер этих групп в селе и окружающем его приселье различны.

В документах вотчинного архива находим деление крестьян на три группы: третьестатейных (маломощных), среднестатейных и первостатейных (капиталистых). Однако вотчинная администрация в разряд третьестатейных включала лишь полностью разорившихся крестьян, а к первостатейным относила только дворы крестьян, объявивших капитал свыше 500 рублей. Действительное распределение крестьян на три категории устанавливается по всей совокупности данных о состоянии крестьянского хозяйства, что лежит и в основе тяглового обложения двора. Так, инструкция 1796 г. предписывала «Оброчная сумма хотя и определена по числу тягол с каждого работника по 15 рублей

[4] И. В. Мешалин. Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII в. и I половине XIX в. М. 1950, стр. 51.

[5] Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ) ф. 1088, по с. Иванову 1743 г., д. 8.

[6] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1787 г., д. 35, л. 7 об.; 1750—1774 гг., д. 1 лл. 2—2 об., 8, 10, 22.

[7] Там же, 1774 г., д. 1, л. 10; 1781 г., д. 15, л. 79.

[8] ЦГИАЛ, ф. 17. Главное правление мануфактур, оп. 1, д. 139, лл. 14—17.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

в год, но как люди имеют неравное состояние, то и надлежит ту определенную сумму расположить по мирскому приговору на каждого по состоянию» [9].

Тягловое обложение осуществлялось не по трем вышеупомянутым группам, а по более дробным делениям. Размер тягла обозначался условной денежной единицей, служившей для разверстки платежей и повинностей. Величина тягла, наложенного на двор, колебалась от 12½ копеек до нескольких рублей. В результате в селе и приселье существовало до 15 тягловых категорий, которые определялись по розникам в селе и полурозникам в приселье [10]. Изучение экономики крестьянского хозяйства позволяет свести все множество тягловых категорий к указанным трем основным группам. Дворы с тяглом в 1—2 розника могут быть отнесены к третьестатейной (маломощной) группе; хозяйства с тяглом 3—7 розников можно объединить в среднестатейную группу, а крестьянские хозяйства с тяглом от 8 розников и более принадлежали к первостатейным (капиталистым). Соответственно в приселье к группе третьестатейных относились хозяйства с тяглом от ½ до 1½ розников, среднестатейных — от 2 до 4½ розников, а к группе первостатейных — хозяйства с тяглом от 5 розников и выше.

Попытаемся определить характерные черты каждой группы крестьянства по подворным описям 1790-х годов. В селе группа третьестатейных (маломощных) была самой многочисленной: в нее входило около 55% крестьянских тягловых дворов с населением 1 418 душ обоего пола (38% всего населения села) [11]. Процент беднейших крестьян будет еще выше, если учесть, что существовала значительная группа совершенно разоренных крестьян, исключенных из числа тяглецов.

«Маломощные» принадлежали к числу беднейших крестьян вотчины. Основным их занятием была работа по найму. Тяжелое положение хозяйства третьестатейных крестьян нашло свое отражение в подворных описях. За третьестатейными числилось 1 054 десятины надельных земель всех видов (пашни, леса, покосы), в том числе 685 десятин пахотных земель, а это означало, что в среднем на один тягловый двор приходилось 1,6 десятины пашни. В расчете же на душу мужского пола третьестатейные имели менее десятины душевого надела в трех полях. Составляя 55% тягловых дворов, третьестатейные получали всего 23,3% земель. Еще большее несоответствие можно отметить в обеспеченности скотом. В 357 дворах значилось всего 29 лошадей и 103 коровы, то есть на долю третьестатейных приходилось 13,6% общего числа лошадей и соответственно 29,5% коров. Не удивительно, что только 3 тяглеца (1,4%) производили посев, остальные не использовали полученных в надел пахотных земель, сдавая их в наем вотчинным и пришлым крестьянам. Именно против этих тяглецов ополчался помещик, грозивший подвергнуть высокому штрафу всякого, кто посмеет впредь сдавать или продавать «тягловую землю» [12].

Промысловые занятия являлись почти единственным способом добывания средств существования для третьестатейных; при этом в промысле они выступали как наемные работные люди на предприятиях капиталистых крестьян. Более 85% третьестатейных тяглецов работало по найму, и только 13% числилось самостоятельными товаропроизводителями. Призрачность «самостоятельности» мелких хозяйчиков с полной определенностью выявляется при изучении мелкотоварного производства села Иванова. Число обедневших крестьян, работавших по найму, непрерывно возрастало в течение второй половины XVIII века. Так, третьестатейные П. Ф. Зимин, Е. Янчиков, И. П. Напалков, А. И. Ухов и многие другие, владевшие в 80-х годах маленькими текстильными заведениями, в которых работали члены семей хозяев, к 90-м годам окончательно разорились и превратились в наемных работных [13]. К началу XIX в. из 73 мелких заведений, значившихся в ведомости 1789 г. как заведения без наемной рабочей силы, осталось всего три.

Описание дворов третьестатейных крестьян рисует однообразную и неприглядную картину запустения и бедности: у Е. С. Кочнева в семье 5 душ обоего пола, «изба с

---

[9] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1800 г., д. 2, лл. 18 об.— 19.

[10] Для промышленного села каждые 12,5 к. означали 1 розник, для приселья — ½ розника.

[11] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1790 г., д. 39, л. 2 об.

[12] Там же, 1800 г., д. 2, лл. 11 об.— 12.

[13] Там же, 1789 г., д. 23, лл. 7, 11; 1795 г., д. 55, л. 9, 23 об., 31 об.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

сеньми, крыта дранью, двор бревенчатой», скота нет. У В. Н. Власова 4 души обоего пола, «изба с сеньми, крыта драницей», скота нет. У П. Е. Ананьина «строений нет. Живет у родственников», «у крестьян в работниках» [14]. Из подворных описей видно, что подавляющее большинство «маломощных» крестьян не имело уже никакого хозяйства и в лучшем случае владело двором, наделом (необрабатываемым) и небольшим участком усадебной земли для возделывания огорода, что нисколько не мешало им превращаться в тот тип «наемных рабочих с наделом», на который В. И. Ленин указывал как на явление, характерное для пореформенной России [15]. Распространение такого типа наемного работного отражало специфику социально-экономического развития России.

Наряду с крестьянами, работавшими по найму и владевшими двором и надельным участком, в группе «маломощных» имелись крестьяне, лишенные вообще всякого имущества. Для этих крестьян работа по найму являлась единственным способом получения средств, необходимых для пропитания семьи. Только крепостная зависимость удерживала этих крестьян за вотчиной. О распродаже остатков имущества разорявшимися крестьянами многократно сообщают документы вотчинного правления. Так, крестьянин М. И. Витов дал поступное письмо своему племяннику с обязательством «опростать строение». Крестьянин Г. Ф. Увалов «поступил вдове Марье и ее сыну Гр. Федорову землю и строения»; крестьянин Г. Попов «поступил» крестьянину Г. Кокушкину «для своей нужды и на расплату долгов» дом свой [16]. Такие крестьяне оказывались несостоятельными должниками, будучи не в силах выплачивать оброки и прочие платежи даже с минимального тягла [17]. В «Описании села Иванова» читаем: «...а нищих по селу Иванову ходит для сбору милостыни великое множество, так что во время у богатых крестьян дележей скопляется по дву сот человек и более, да и всегда ходят по улицам множество» [18]. Помещик всячески стремился с помощью чрезвычайных мер избавиться от крестьян, доведенных до полного разорения.

Среднестатейная группа крестьян, в недалеком прошлом самая многочисленная, составляла в 90-е годы до 36% всех крестьянских дворов села Иванова. Процесс разложения приводил к систематическому сокращению численности среднестатейной группы: из ее среды выделялись, с одной стороны, третьестатейные (маломощные), с другой — первостатейные (капиталистые) крестьяне. Состояние хозяйства у крестьян среднестатейной группы отражало их промежуточное положение. На долю среднестатейных приходилось 32% надельных земель, 36% лошадей и 41% коров от числа всех, имевшихся в вотчине. Но, как мы покажем ниже, внутри самой среднестатейной группы существовали большие имущественные различия. Наиболее типичными среднестатейными в указанной группе являлись крестьяне с тяглом 4—6 розников. Эти тяглецы составляли 46% всех среднестатейных дворов. Самостоятельный промысел (мелкотоварное производство) в соединении с огородничеством и содержанием скота давал возможность этим крестьянам сводить концы с концами. На долю среднестатейных с тяглом 4—6 розников приходилось 30% всех мелких текстильных заведений села, в каждом из которых работало до 3 рабочих.

Очень немногие из среднестатейных занимались земледелием, стремясь при этом обеспечить свою семью продуктами питания, не прибегая к рынку. Только 6,4% среднестатейных имели посев. Деньги же, необходимые для оплаты помещичьих и государственных повинностей, они зарабатывали в промысле, которым постоянно занималась часть членов семьи. Например, семья крестьянина В. И. Щапова состояла из 14 человек, из них 3 работоспособных мужчин. Во дворе Щапова имелась «работная изба, крытая соломою», в которой работала семья хозяина. Вместе с тем продолжало сохраняться земледелие: в хозяйстве было 2 лошади, 2 коровы, 2 гуся, 7 кур, «хлеба молоченого: ржи — 8, ячменя — 6, овса — 5, пшеницы — 2 четверти» [19]. Однако соединение промысла с земледелием не характерно для среднестатейной группы крестьян про-

[14] Там же, 1791—1792 гг., д. 83, лл. 7 об.— 8, 20 об.— 21; д. 88, л. 11 об.— 12 и др.

[15] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 145.

[16] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1783—1788 гг., д. 30, лл. 36, 43 об.— 44; 1772 г., д. 19, л. 74 об.; 1783—1788 гг., л. 75 об.— 76.

[17] Там же, 1792 г., д. 25, лл. 1—7; 1794 г., д. 1, л. 2 об.

[18] ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 5, 1802 г., д. 272, л. 123.

[19] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1791—1792 гг., лл. 98, 19 об.— 20.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

мышленного села; в большинстве случаев промысел уже окончательно вытеснил полевое земледелие. В составе описываемой группы среднестатейных имелись также крестьяне, работавшие по найму. Как правило, они являлись наиболее квалифицированной частью работных (мастерами) либо составляли привилегированную верхушку (приказчики, сидельцы, конторщики и пр.). 11% работных принадлежали к числу этих среднестатейных.

Беднейшие представители группы среднестатейных — крестьяне с тяглом 3 розника — составляли более 50% всех среднестатейных дворов. Эти крестьянские дворы по своей хозяйственной характеристике были близки к «маломощным» крестьянам. Составляя около 19% всех тяглецов промышленного села, они давали 27% наемных работных людей. Наряду с маломощными беднейшая часть среднестатейных сдавала в аренду и продавала надельные земли. Подобно третьестатейным, они были очень плохо обеспечены скотом. В 123 дворах имелось всего лишь 28 лошадей и 62 коровы. В 54 дворах не было никакого скота. Только немногие среднестатейные с тяглом 3 розника были владельцами мелких текстильных заведений, однако первые же затруднения выталкивали этих хозяйчиков в ряды работных людей. Такой была участь среднестатейных С. С. Кубасова, Г. И. Латышева, В. Я. Мосеева, В. С. Напалкова и многих других. В этом отношении типична личная судьба среднестатейного крестьянина М. П. Минина. В ведомостях 1789 г. М. П. Минин значился в качестве владельца небольшого текстильного заведения, работавшего без найма рабочей силы. Но самостоятельность мелкого товаропроизводителя оказалась весьма недолговечной. Уже в 1795 г. М. П. Минин работал по найму у ивановских крестьян. К концу 90-х годов разорение М. П. Минина достигло крайнего предела. Как сообщает «показная крестьянина Минина», последний продал свой дом Егору Прохорову за 20 руб. без земли, а «дворовый забор и ворота продал Харлампию Кирякину». Полученные от продажи деньги были истрачены «в расход на пищу». Как показал сам Минин, он был вынужден прибегнуть к продаже двора «по неимению промысла»: капиталистые не принимали Минина «в работу», так как за ним числилась большая задолженность по уплате оброка, что влекло за собой содержание «в правлении... под караулом» [20].

Другую группу среднестатейных представляли крестьяне с тяглом в 6—7 розников, стоявшие на грани перехода в число первостатейных. Многие из них владели «работными избами», в которых эксплуатировали труд наемных работных людей. Например, во дворе Я. Ф. Бурылина описано: «В огороде набоечная изба с сеньми», лошадь — 1 коровы — 2, кур — 6. Посев: ржи — 2 четверти, пшеницы — 2 четверти, гречи — 2 четверти, овса — 2 четверти, ячменя — 2 четверти. В набоечной избе у Бурылина работали 2 наемных работника [21].

Вследствие эксплуатации бедноты эти крестьяне накапливали капитал и превращались в первостатейных. Группа первостатейных крестьян оставалась сравнительно немногочисленной. Ко времени составления подворных описей (начало 1790 г.) в промышленном селе насчитывалось до 59 первостатейных дворов (9%), сосредоточивших в своих руках все основные средства производства. Процесс концентрации средств производства у первостатейных шел параллельно с освобождением от средств производства маломощных.

Первостатейные являлись владельцами промышленных и торговых предприятий, на их долю приходилась большая часть надельных земель, скота и инвентаря, они владели капиталами, недвижимостью, покупными землями и крепостными крестьянами. В конце 80-х годов у 37 первостатейных имелись текстильные заведения, в которых работало от 2 до 15 наемных работных, а капиталистые: Е. И. Грачев, И. М. Гарелин, В. М. Гарелин, И. П. Дурденевский, И. И. Кубасов, Е. И. Пономарев, И. М. Ямановский — владели мануфактурами. В крупнейшей из них (Е. И. Грачева) было занято до 500 наемных работных людей.

К началу XIX в. в сравнении с 1780-ми годами число мануфактур выросло почти вдвое, при этом на предприятии И. М. Ямановского работало более 900 наемных работных. В то же время непосредственно на мануфактурах капиталистых крестьян села Иванова было занято свыше 3 000 наемных работных людей.

---

[20] Там же, 1789 г., д. 23, л. 12; 1798 г., д. 107, л. 1.
[21] Там же, 1791—1792 гг., д. 98, л. 2 об.— 5; 1789 г., д. 23, л. 10.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Первостатейные, владевшие средствами производства, эксплуатировали наемный труд и в земледелии. Небольшая группа сельских богатеев (9%) получила в надел 44% всех земель, в то время как 54,8% беднейших дворов имели 23,2% земель. В результате если у маломощных средний душевой надел был менее десятины в трех полях, то у первостатейных он составлял 7,4 десятины на душу мужского пола, а с учетом покупных и «арендных» земель в ряде дворов количество десятин на душу мужского пола достигало сотен десятин. На долю первостатейных приходилось 50,4% всех наличных лошадей и 29,2% коров. В действительности же количество скота у первостатейных было еще бо́льшим, так как приведенные данные не учитывали скот, приписанный к дворам «покупных» крестьян, являвшийся собственностью первостатейных крестьян. Наличие больших материальных возможностей позволяло первостатейным использовать надельные земли и извлекать из них доходы, в то время как маломощные и большая часть среднестатейных крестьян села отдавали наделы за бесценок, но оплачивали все подати, начислявшиеся с надела.

Изучение земледелия показало, что к 90-м годам XVIII в. лишь в немногих дворах крестьян промышленного села сохранился посев ржи, пшеницы и других культур. Это были главным образом дворы первостатейных — владельцев крупных текстильных предприятий, применявших наемный труд как в промысле, так и в земледелии. Земский Палыгин писал: «Что же касается до сельских, то все при фабриках, а точию одни частию богатые, но и те все наймом пашню исправляют» [22].

Сельское хозяйство занимало незначительное место в экономике самого села Иванова: так, из числа 651 тяглого двора села только 32 имели в своем хозяйстве посев, при этом на 592 третьестатейных и среднестатейных хозяйства посев имелся лишь в 18 дворах (третьестатейных — 3, среднестатейных — 15). Поэтому данные о сельском хозяйстве могут лишь отчасти характеризовать положение трех групп крестьянства. Тем отчетливее и резче выступают различия между ними в распределении несельскохозяйственных промысловых занятий.

«Промысловые» занятия основной массы третьестатейных крестьян состояли в работе по найму. Только 13% вели самостоятельный промысел (мелкотоварное производство), и около 1,5% занимались мелким торгом. Соответственно у среднестатейных отмечается: работа по найму — 52% тяглецов, самостоятельный промысел — более 45%, торг — более 1,5% и около 1% владельцев промышленных заведений с наймом рабочей силы. Иная картина в группе первостатейных: более 22% тяглецов владела промышленными предприятиями, 49% имели самостоятельный промысел, 28% вели торг. Никто из этой группы по найму не работал [23].

Во второй половине XVIII в. первостатейные сконцентрировали в своих руках огромные капиталы. Единичные крупные состояния отмечаются уже в 40—50-х годах. О наличии капитала у ряда первостатейных крестьян говорят факты выделения мануфактур, покупки земель и крестьян на имя помещика и прочее. Строительство и организация производства крупного предприятия требовали вложения весьма значительных средств. Крестьянин Гр. Бутримов вложил в предприятие в течение 1742—1747 гг. 8 500 руб., хотя в 1740 г. документы отмечают покупку Бутримовым у жены помещика Шулепова «жеребья ее крестьян и со всякими их угодьи». Мануфактурист И. Грачев затратил при основании предприятия в 1748 г. 4 000 рублей [24].

В реестре «Кто именно и сколько собственного своего капиталу показывал» в 1790 г. по селу Иванову значится 159 владельцев капитала, из них 95 с капиталом от 10 до 150 руб., 24 — от 200 до 400 руб., 27 — от 500 до 3 500 руб., 8 — от 3 500 до 12 000 руб., 3 — от 20 000 до 35 000 руб. и один крестьянин с капиталом в 100 000 рублей (размер капитала еще одного владельца не указан). Общая сумма объявленных крестьянами капиталов равнялась 290 725 рублям [25]. По всей вероятности, эта цифра значительно занижена. Как известно, ведомости о капиталах составлялись для взыскания

---

[22] ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 5, 1802 г., д. 272, лл. 15 об.— 16.

[23] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1795 г., д. 55, лл. 1—40.

[24] ЦГИАЛ, ф. 1088, 1803 г., д. 47, лл. 37—39; 1744 г., д. 12, л. 1; 1803 г., д. 47, л. 122.

[25] Ведомость 1790 г. не дает полного перечня крестьян, владевших капиталом. Вне поля зрения составителя документа осталось приселье.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

с владельцев капитала дополнительного полупроцентного сбора с капитала или наложения повышенных оброков. Естественно, что обладатели капиталов всячески укрывали истинные размеры своего состояния, давая заниженные сведения. Особенно это характерно для наиболее крупных капиталистых предпринимателей, так как мирской сход, на котором обычно утверждались показания крестьян о капиталах, был всецело в руках сельских богатеев. Подлинные размеры капиталов укрывались как от вотчинных властей, так и от государственных учреждений. Так, Е. Грачев, объявлявший в 90-х годах капитал в 100 тыс. рублей, в 1795 г. заплатил за выкуп наличными 135 тыс. руб. и немедленно записался в купцы 1-й гильдии; О. Соков, подавший в вотчинное правление в 1800 г. сведения о капитале в размере 5 000, за три года до этого (в 1797 г.) подал в Мануфактур-коллегию ведомость, в которой обозначил капитал в 20 000 рублей [26].

«Описание села Иванова» 1802 г. отмечает 40 человек, «имеющих капитал 500 р.», причем этот список капиталистых немногим отличается от ведомости 1790 года. В действительности круг капиталистых был гораздо шире: в него входили многие из тех, кто объявил капиталы в 400, 300 и даже 200 руб., а на самом деле обладал значительно большим состоянием. На долю первостатейных с капиталом от 500 руб. и выше приходилось, согласно ведомости, 278 500 руб., то есть в руках богатеев находилось более 95% всех объявленных капиталов. Самыми крупными капиталами обладали мануфактуристы и торговые предприниматели: Грачевы, Гандурины, Ямановские, Пономаревы, Кубасовы. Все они широко эксплуатировали труд наемных работных людей, а также осуществляли торгово-ростовщические операции, что и создавало возможность накопления. Для ивановских капиталистых крестьян второй половины XVIII в. характерно накопление в результате вложения капитала в промышленность. В соединении промышленного капитала с торговым главную роль играл здесь промышленный капитал.

В конце столетия наблюдается дальнейший рост крестьянских капиталов. Это хорошо прослеживается по ведомости о капиталах 1800 года [27]. В течение одного десятилетия (1790—1800) число крестьян с капиталом 500 руб. и выше увеличилось более чем вдвое (в 1790 г.— 40 человек, в 1800 г.— 93 человека). Соответственно значительно выросла и общая сумма капитала в руках наиболее состоятельных капиталистых крестьян. В 1800 г. первостатейные с капиталом 500 руб. и выше имели 388 700 руб. против 278 500 руб. в 1790 году. При этом в ведомости 1800 г. отсутствует выкупившийся на волю Е. Грачев, объявивший в 1790 г. капитал в 100 тыс. рублей. Таким образом, объявленные капиталы выросли за десятилетие более чем на 200 тыс. рублей.

Вместе с ростом числа капиталистых крестьян продолжался процесс концентрации капитала у верхушки. И. М. Ямановский, объявивший в 1790 г. капитал в 30 тыс. руб., имел в 1800 г., по его собственному показанию, 115 500 рублей. Главным источником накопления у И. М. Ямановского являлась мануфактура, в которой числилось до тысячи работных людей. Увеличили свой капитал: И. Бабурин с 1 тыс. до 8 тыс. руб., Д. Бабурин с 500 руб. до 7 тыс. руб., А. Дурденевский с 5 тыс. руб. до 10 тыс., И. Бурылин со 100 руб. до 10 тыс. руб. и другие. Рост капиталов не проходил гладко и прямолинейно: часть капиталистых под давлением конкуренции теряла состояние. Однако такие случаи единичны. Массовым явлением был рост концентрации капиталов, что отражало дальнейшее углубление процесса разложения крестьянства.

Капиталистые крестьяне села Иванова постоянно кредитовали самого помещика [28]. Капиталы в руках первостатейных крестьян являлись средством закабаления третьестатейных и среднестатейных крестьян. Изучение окладных книг и книг сбора окладных платежей за последнюю четверть XVIII в. (сохранились книги за 1772, 1775, 1776, 1781, 1796 гг.) дает возможность проследить динамику процесса разложения крестьянства.

В течение 24 лет число тяглецов по промышленному селу увеличилось всего на 57 единиц (с 736 до 793), зато решительно изменилось распределение крестьян по трем основным группам. Особенно важным является факт «размывания» среднестатейной группы, так как распад середняцкой массы лежит в основе процесса разложения. Число

---

[26] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1800 г., д. 23, лл. 1—5; ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии № 1, оп. 2, д. 889, лл. 2 об.— 3.

[27] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1800 г., д. 23, лл. 1—5. В данную ведомость не включались крестьяне, объявившие капиталы менее 500 рублей.

[28] Там же, 1782 г., д. 3, л. 21; 1744 г., д. 1, л. 35; 1774 г., д. 1, л. 184.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

среднестатейных крестьян оставалось стабильным в 1772—1775 гг., составляя в первом случае 49,8%, во втором — 50,6%, но уже в 1776 г. процент среднестатейных понизился до 46,7%, а в последующие 20 лет число среднестатейных продолжало уменьшаться, достигнув в 1796 г. 320 единиц, что составляло 40,3% тяглецов села Иванова. Таким образом, налицо сокращение группы средних крестьян на 9,5%. Для 24-летнего срока это уменьшение нельзя не признать значительным.

Изменения в среде среднестатейных отразились и на других группах сельского хозяйства. Маломощные крестьяне в 1772 г. составляли 40,1% тяглецов села Иванова. В последующие годы удельный вес группы третьестатейных (маломощных) систематически повышался, составляя в 1775 г. 41%, в 1776 г. — 45,1%, в 1781 г.— 49,5%, а в 1796 г.— 50,6%, то есть за период, в течение которого среднестатейные потеряли 9,5% своих тяглецов, число маломощных выросло на 10,5%. Рост группы третьестатейных происходил, таким образом, за счет разорения среднестатейного крестьянства.

Своеобразные изменения произошли в группе первостатейных тяглецов, составлявшей в 1772 г. 10,1% тяглецов села. Вплоть до 1781 г. группа первостатейных убывала, потеряв 2,6% своего состава, и только в дальнейшем процент первостатейных повысился до 9,1, оставаясь несколько ниже, чем в 1772 году. Незначительное число среднестатейных крестьян поднялось до уровня первостатейных, в то же время из группы последних выбыла часть тяглецов. Как правило, среди выбывших — тяглецы с минимальным для данной категории крестьян тяглом. Таким образом, сокращение числа тяглецов первостатейной группы произошло прежде всего за счет наименее состоятельной части тяглецов, которые, выбившись к 70-м годам в ряды «лучших», не смогли, однако, закрепить свое положение. Выбыли также из числа первостатейных тяглецы, у которых произошел раздел дворов, что дает основание полагать, что действительное уменьшение числа первостатейных было не столь значительным, так как данные о них в 1772 г. несколько завышены. Кроме того, новые условия порождали конкурентную борьбу и в среде первостатейных, о чем говорилось выше; процесс разложения вел к концентрации капиталов и к соответствующей консолидации групп первостатейных. Отсюда и ее первоначальное сокращение и последующий рост на более устойчивой экономической основе. Изменения в составе первостатейных наблюдаются и в дальнейшем, что отчетливо обнаруживается при сравнении окладных книг 1781 и 1796 гг., хотя эти изменения носят несколько иной характер: основной состав первостатейных (58 человек в 1781 г.) гораздо устойчивее, чем раньше; вместе с тем растет число первостатейных за счет притока из группы среднестатейных крестьян, разложение которой к концу XVIII в. приобретает значительные размеры.

★

Крестьянство земледельческих сел также расслаивалось, но грани внутри него не определились еще с такой ясностью, противоречия не проявились в такой степени, как это имело место в промышленном селе. Группа маломощных крестьян приселья составляла более 25% тягловых дворов. Для них характерно либо очень мелкое земледельческое хозяйство, либо промысел в виде работы по найму, причем последнее означало обычно полную неспособность продолжать земледелие ввиду отсутствия скота, сельскохозяйственных орудий, а временами даже и собственного жилья. 126 дворов третьестатейных крестьян получали в надел 478 десятин земли, в том числе пахотной земли 302 десятины. Таким образом, составляя 25% всех тягловых дворов, маломощные имели всего 14,4% надельных земель. Им принадлежало 32 лошади (6,3%) и 70 коров (9,8%).

Несмотря на то, что основой хозяйства волостных крестьян оставалось земледелие, более половины дворов среднестатейных крестьян не имело посева. Но и в тех случаях, когда сохранялось земледелие, размеры посева были столь ничтожны, что ни в коей мере не могли удовлетворить потребности семьи. Посев имелся только в 45 дворах. В среднем на каждый двор приходилось, таким образом, менее полутора четвертей посева, а если исключить дворы, в которых отсутствовал посев, то приходилось до 3 четвертей посева на двор.

Третьестатейные крестьяне, оторвавшиеся от земледелия, поступали в наем к волостным крестьянам-земледельцам или работали на предприятиях капиталистых крестьян села Иванова. Именно с работой по найму связано переселение разорявшихся

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

волостных крестьян в промышленное село. Крестьянин Маврин «живет в селе Иванове на чужой земле, христа ради»; то же самое и М. И. Колотушкин; В. А. Шестунин «жительство имеет в селе Иванове у свойственников»; А. П. Ноздрин «живет в селе Иванове в наемной квартире» и т. п.

Приведем типичные описания «маломощных» дворов. Двор Л. А. Мешкова: «Изба с сеньми, двор, сенница, анбар — все ветхое, овина половина; все крыто соломою. В земле посеяно: ржи — полосьмины, пшеницы — полчетверти, овса — осьмина». Крестьянин О. А. Болусов «живет в селе Иванове, тяглом в деревне. Промысел имеет от ткацкого мастерства»[29].

К числу среднестатейных крестьян волостной половины принадлежало большинство населения приселья (68,8% дворов). Наличие столь значительной группы среднестатейных является одним из показателей меньшей глубины расслоения крестьян в сельскохозяйственной округе промышленного села, соседство которого оказывало двоякое влияние на развитие приселья: с одной стороны, крестьянство волости постепенно втягивалось в промышленные занятия и торговое предпринимательство, что не могло не содействовать ускорению процесса разложения крестьянства; с другой стороны, возможность постоянных приработков для крестьян, имевших небольшое хозяйство, содействовала сохранению середняцкой массы, которая всеми силами стремилась предотвратить свое разорение и отсрочить переход в разряд «работных людей». Какой ценой среднестатейным удавалось отстоять свою «самостоятельность», мы покажем ниже.

Среднестатейные крестьяне держали в своих руках 2 345 десятин надельных земельных угодий всех видов, из них 1 526 десятин приходилось на пашенные земли. Следовательно, среднестатейные располагали 72,5% всех надельных земель. За внешним благополучием скрывался, однако, острый недостаток земель. Это обстоятельство особенно губительно сказывалось на крестьянах приселья, так как земледелие составляло для них основной источник средств существования. В среднем на двор приходилось всего 4,5 десятины пахотных земель, однако и эта средняя цифра приукрашивала действительную картину. Дворы с тяглом 2 розника, составлявшие более 36% всех среднестатейных дворов, имели в среднем на двор только 3 десятины пахотной земли. Частично малоземельем объясняется и тот факт, что среднестатейные волостной половины, сохраняя земледелие, держали очень небольшое количество скота: на 342 двора имелась 421 лошадь и 571 корова. Все среднестатейные, вместе взятые, высевали 1 690 четвертей культур: ржи — 738, овса — 378, пшеницы — 330, гречи — 131, ячменя — 113, то есть 4,3 четверти на двор.

Описание дворов показывает, что, как правило, в среднестатейном хозяйстве всегда имелись лошадь и одна — две коровы, а также некоторое количество мелкого скота и птицы. Такое хозяйство плохо обеспечивало потребности семьи и совершенно не давало товарной продукции. Деньги, необходимые для оплаты оброка, государственных и мирских платежей, среднестатейный крестьянин добывал исключительно промысловыми занятиями, сезонной работой по найму. В дворах с большим избытком рабочей силы существовало также разделение обязанностей: часть членов семьи занималась сельским хозяйством, уходя из деревень лишь в месяцы, свободные от сельскохозяйственных работ, другие — постоянно занимались промыслами либо непосредственно на месте жительства, либо проживая в промышленном селе и нанимаясь в качестве работных на текстильные мануфактуры. Например, в семье среднестатейных крестьян Латиных имелось четыре брата в возрасте от 18 до 29 лет, три сестры 10—18 лет и мать. Подворная опись сообщает: «Промысел имеют хлебопашество и от набоечных при фабрике работ и у портного мастерства. Капитала собственного ничего не имеют, кроме пропитания без нужды». Во дворе Я. Малеева 6 душ обоего пола (двое мужчин и четыре женщины), 5 из них в зрелом возрасте. «Промысел имеют от хлебопашества и ткацкого мастерства»[30].

На долю среднестатейной группы приходился 71% дворов с промысловыми занятиями от числа всех промысловых дворов приселья и 62% дворов, выделявших в промысел наемных работников. Группа среднестатейных крестьян волости, занимавшая

---

[29] Там же, 1791—1792 гг., д. 123, лл. 32 об.—33; д. 130, л. 2 об.; д 123, лл. 36 об.—37.

[30] Там же, 1791—1792 гг., д. 129, лл. 13 об.—14; д. 130, л. 46.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

такой большой удельный вес в составе волостного крестьянства (68,8%), была противоречива по своему составу.

Первостатейная группа составляла в приселье 5,8% тягловых дворов. Однако действительные размеры этой группы были больше, так как часть первостатейных приселья, особенно торговцы и промышленники, переселялась в село Иваново и окончательно порывала связь с общиной приселья. Первостатейные дворы приселья были хорошо обеспечены рабочей силой («семьянистые» дворы) [31]. В среднем на каждый первостатейный двор приходилось по 3 семейных работника мужского пола, в то время как по маломощным дворам было менее одного работника на двор. Лучше обеспеченные рабочей силой, первостатейные располагали вместе с тем большим количеством земель, скота и сочетали сельскохозяйственные занятия с самостоятельным промыслом и торгами. Двадцать девять первостатейных дворов получали в надел 428 десятин земельных угодий, в том числе 276 десятин пахотных земель. Составляя 5,8% крестьянских дворов, первостатейные имели, таким образом, 13,1% надельных земель. В каждом первостатейном дворе было 2—3 лошади, 2 коровы и большое количество мелкого скота. Кроме надельных земель, в руках первостатейных сосредоточивались почти все покупные и арендные земли. Первостатейный из деревни Рылихи И. Каменев владел совместно с другими крестьянами села Иванова 129 десятинами земли. Документ 1779 г. упоминает о том, что волостные первостатейные К. Постников и И. Каменев купили «с товарищи у суздальского помещика Лазарева недвижимое имущество, состоявшее в Суздальском уезде, половину пустоши» [32]. Об аренде земель упоминает «Описание села Иванова»: «...имеются и таковые (крестьяне.— *А. Р.*), кои имущественнее и берут землю под пашню у непахорей...» [33]. Посев первостатейных состоял из 102 четвертей ржи, 58 четвертей овса, 45 четвертей пшеницы, 7 четвертей гречихи и 14 четвертей ячменя. Средний посев на один двор равнялся 7,8 четверти, в то же время «маломощные» высевали менее полутора четвертей на двор.

Промысловые занятия волостных первостатейных имели характер промышленного и торгового предпринимательства. Крестьянин Мужжавлев «промысел имеет от набоечного мастерства собственного». Крестьянин приселка Стромыхино О. Г. Постников «промысел имеет кузнечной и набоечной и хлебопашество. Капитала имеет собственного 300 рублей». М. А. Постников «промысел имеет от фабричного ремесла, при которой фабрике собственного капиталу 700 рублей». Ведомости Мануфактур-коллегии 90-х годов отмечают у того же Михаила Постникова текстильное предприятие, на котором работало 20 станов при 25 наемных работных. У крестьянина деревни Субботино И. Борисова была мануфактура с 30 станами и 34 работными людьми. Предприятия с 80 и 5 станами отмечены у крестьян деревни Афонасово Матвея Базанова и Фадея Тимофеева [34]. Все эти первостатейные эксплуатировали труд наемных рабочих. Как видно, волостные первостатейные не отличались в этом отношении от ивановских капиталистых, однако масштабы эксплуатации наемного труда были совсем иные: только единичные волостные первостатейные крестьяне в более или менее крупном масштабе эксплуатировали труд работных людей.

Волостные первостатейные занимались торгом. В селе Иванове им принадлежало 23 торговых места [35]. Некоторые из первостатейных обладали капиталами, но размер последних значительно уступал капиталам ивановских крестьян. Ведомость капиталистых крестьян (1799 г.) отмечает капиталы у 15 крестьян приселья. Среди них только 6 человек объявили капитал в 400 руб. и выше. Наиболее высокая сумма объявлена Б. Семеновым — 6 000 рублей. Общая сумма всех капиталов — 13 910 рублей [36].

---

[31] Лучшая обеспеченность семейной рабочей силой зажиточных дворов отмечена Е. И. Дракохруст для оброчной вотчины М. М. Голицына в Калужской губ. и Г. Н. Бибиковым для барщинной вотчины того же владельца в Новосильском уезде, Тульской губ. См. Г. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 82—83, 131.

[32] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1787 г., д. 35, л. 7 об.; 1779 г., д. 5, л. 33.

[33] ЦГИАЛ, ф. 1088, оп. 5, 1802 г., д. 272, л. 6.

[34] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1791—1792 гг., д. 129, лл. 2, 3, 8; ЦГИАЛ, ф. Мануфактур-коллегии № 1, оп. 2, д. 68, лл. 2 об.— 3; д. 86, лл. 2 об.— 3; д. 87, лл. 2 об.— 5.

[35] ЦГАДА, ф. Шереметевых Ивановское вотчинное правление. 1776 г., д. 16, лл. 1—15.

[36] Там же, 1799 г., д. 30, л. 2 об.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Упоминания о размерах «собственного капиталу» встречаются и в некоторых подворных описях по волостной половине. У первостатейного И. И. Кокорина значился капитал 200 руб., у О. Г. Постникова — 300 руб., у Ф. П. Каменева — 300 руб., у А. Ф. Карпова — 500 рублей [37]. Отсутствие крупных капиталов у первостатейных приселья объясняется тем, что первостатейные, капиталы которых вырастали на торговом и промышленном предпринимательстве, преодолевали все препятствия и переселялись в промышленное село.

Изменения в составе вышеописанных групп волостного крестьянства в течение последней четверти XVIII в. для приселья можно также проследить по окладным книгам и книгам сбора платежей [38]. В течение 20-летия (с 1776 по 1795 г.) наблюдается заметный рост числа тяглецов (на 19%), что лишь отчасти может быть объяснено ростом населения приселья: число душ мужского пола всех возрастов увеличилось за это время на 265 человек [39], в то время как число тяглецов возросло на 169 единиц. Важнейшей причиной роста числа тяглецов являлось усиление эксплуатации: помещичья администрация в поисках дополнительных доходов повышала размеры оброка, поступавшего с вотчин, а первостатейные, в руках которых находилось управление Ивановской вотчиной, накладывали тягло на крестьян, ранее свободных от несения повинностей.

Количественные изменения числа тяглецов по трем группам волостного крестьянства характеризуются ростом третьестатейной и среднестатейной групп и уменьшением численности первостатейной группы. Рост третьестатейной группы происходил за счет относительно равномерного увеличения каждой из тягловых категорий, составлявших эту группу. Общее число третьестатейных выросло с 1776 г. по 1795 г. на 63 двора; они составляли в 1795 г. более 22% всех дворов, то есть на 5% больше, чем в 1776 году. Большое значение имели изменения в среднестатейной группе. В течение 1776—1795 гг. число среднестатейных выросло с 481 до 655, что являлось результатом главным образом усиления эксплуатации: вотчинные власти принудительно повышали тягло беднейшим крестьянам. Этот рост сопровождался перегруппировкой различных категорий тяглецов внутри группы, при этом наблюдалось отклонение части среднестатейных крестьян в сторону маломощных. Незначительно изменилось число тяглецов с высшим размером тягла, а процентное отношение их даже несколько уменьшилось. Сокращение этой группы объясняется, во-первых, массовым переселением крестьян волости в село, во-вторых, разорением известной части крестьян.

Систематический рост эксплуатации крепостного крестьянства углублял процесс разложения, разоряя значительную часть крестьян, полностью терявших тот минимум средств производства, без которого было невозможно самостоятельное крестьянское хозяйство, и в то же время увеличивал разрыв между крайними имущественными группами. Несмотря на то, что в изучаемом районе существовала дифференцированная система обложения, с учетом имущественного положения крестьян, именно беднейшее крестьянство несло на своих плечах всю тяжесть крепостнической эксплуатации. Так, капиталистый крестьянин Е. И. Грачев, владелец крупного текстильного предприятия, «покупных» земель и крепостных крестьян, объявивший в 1790 г. капитал в 100 тыс. руб., был обложен тяглом, по которому он выплачивал оброка, мирских и подушных платежей и прочих «окладных» сборов свыше 500 руб. в год. Если учесть также специальные налоги: с капитала 500 руб. и с ткацких станов 1 298 руб. (в 1790 г.), — то выплачивавшаяся им сумма составит более 2 300 рублей [40]. Однако эта сама по себе значительная сумма являлась лишь незначительной частью его состояния, ибо Е. Грачев владел мануфактурой, на которой в лучшие месяцы работало до 500 работных людей, и сам он получал оброк с нескольких сот «покупных крестьян». По аналогичному же расчету первостатейный мануфактурист И. М. Ямановский выплачивал в виде налогов не более 2% капитала [41].

[37] Там же, 1791—1792 гг., д. 130, л. 71; д. 129, лл. 28 об., 35 об.

[38] Там же, 1776 г., д. 8, лл. 1—160; 1781 г., д. 11, лл. 1—78; 1792 г., д. 14, лл. 1—34.

[39] Там же. Центральный межевой архив. Экономич. примеч. Владимирской губ., д. 32 л. 60; ЦГИАЛ, ф. Правительствующего Сената. Экономич. примеч. Владимирской губ., Шуйского уезда, лл. 119—120.

[40] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление, д. 40, лл. 1—6; 1791 г., д. 19, лл. 1—5; 1790 г., д. 39, л. 6 об.; 1796 г., д. 1, л. 8.

[41] Там же, 1800 г., д. 23, л. 5; Ивановский областной исторический архив, ф. 205, оп. 1, д. 259, л. 5 об.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Совершенно иная картина наблюдалась у маломощных крестьян. Так, третьестатейный крестьянин И. Красильников работал по найму «в набоечной работе» с оплатой в 45 руб. в год. Семья Красильникова состояла из 6 душ обоего пола. Земледелие в хозяйстве отсутствовало, имелась лишь одна корова. Небольшим подспорьем служили, повидимому, огород и работа женщин по прядению пряжи на дому. По «окладным» и «неокладным» сборам И. Красильников выплачивал до 22 руб., то есть до 50% своего заработка. Среднестатейный крестьянин П. А. Муранов получал за «набоечную работу» 50 руб. в год. В семье Муранова 6 душ обоего пола, «скота во дворе нет». На оплату повинностей у него уходило до 30 руб. в год [42].

Как указано выше, усиление эксплуатации влекло за собою разорение крестьянской массы. В целях избежания недоимок помещик возлагал на капиталистых крестьян ответственность за полную и своевременную уплату податей всеми крестьянами вотчины; при этом крепостник фактически предоставлял первостатейным полную свободу действий по отношению к разорявшимся крестьянам, отдавая их в эксплуатацию капиталистой верхушке.

Процессу разложения крестьянства в промышленном селе и расслоения в сельскохозяйственно-промысловой округе сопутствовало, с одной стороны, переселение части крестьян из села в город для торгово-промышленных занятий либо работы по найму, а также переселение крестьян из приселья в промышленное село; с другой, — сезонный отход крестьян на заработки. В Петербурге и Москве постоянно проживало большое число ивановских крестьян, занятых промыслом и торгом. Документы отмечают даже существование в Петербурге «мирского схода», призванного управлять крестьянами, проживавшими в столице [43]. В. И. Семевский отмечал, что в Москве и Петербурге встречались целые улицы, занятые домами крестьян, переселившихся из вотчин Шереметевых [44]. Вотчинный архив содержит многочисленные данные о крестьянах-предпринимателях и наемных работных, проживавших в городах [45]. По характеру хозяйственной деятельности переселенцы ничем не отличались от горожан. Только цепи крепостного состояния приковывали их к помещичьей вотчине, и они откупались от крепостника за право проживания в городах.

Из сельскохозяйственной округи в промышленное село переселялись разбогатевшие волостные первостатейные, а также разорившиеся «маломощные», переходившие к работе по найму на текстильных предприятиях села. Переход в село особенно активизировался с 70-х годов XVIII века. «Дело о волостных крестьянах, проживающих в с. Иванове» (1779—1787 гг.) называет 116 фамилий крестьян, переселившихся из приселья в село [46]. Главную массу переселенцев составляли малотяглые, малоимущие крестьяне. Их переселению препятствовали крестьяне села, видевшие в переселенцах своих конкурентов. Мешала переселению также помещичья администрация.

Население отвлекалось от земледелия отходом на сезонные заработки. Отход был непосредственно связан с разложением крестьянства: будучи следствием разложения, он вместе с тем ускорял дальнейший процесс разложения крестьянства. В отходе крестьян проявлялись обе стороны разложения: создание капиталистой верхушки и образование массы обездоленных, работавших по найму; первые отходили из вотчины для торгово-промышленных занятий, вторые — для того, чтобы продать свою рабочую силу. Отход торгово-промышленных предпринимателей и их доверенных лиц имел место главным образом из промышленного села Иванова, в то время как волостная половина выделяла в основном рабочих-отходников. В. И. Ленин характеризовал отходничество как явление, типичное для периода перехода от феодального способа производства к капиталистическому, при этом он подчеркивал связь между отходом и крепостнической эксплуатацией [47].

---

[42] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1795 г., д. 55, лл. 13, 17; 1791—1792 гг., д. 91, лл. 20 об.— 21

[43] Там же, 1792 г., д. 12, л. 1—1 об.

[44] В. И. Семевский. Крестьяне в царствование имп. Екатерины II. Т. I. СПБ. 1903, стр. 327.

[45] ЦГИАЛ, ф. 1088, 1803 г., д. 62, лл. 1—2; ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1775 г., д. 14, л. 1; 1776 г., д. 36, л. 27 об., 33; 1779 г., д. 12, л. 1; 1780 г., д. 1, л. 67; 1791 г., д. 17, л. 2.

[46] Там же, 1779—1787 гг., д. 13, лл. 1—14 об.

[47] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 224.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

Гораздо меньше был распространен отход крестьян из промышленного села, так как крестьяне находили себе работу на местных текстильных предприятиях, функционировавших круглый год. Отход крестьян села не был сезонным, что объясняется отсутствием земледелия. Из деревень приселья ежегодно уходило по паспортам большое число крестьян. В наиболее ранней из имеющихся в нашем распоряжении книг записи паспортов значится 478 отходников [48], что составляло более 66% наличного числа всех мужчин тяглового возраста и 27% от всего мужского населения приселья. До начала 80-х годов число отходников непрерывно возрастало, достигнув в 1783 г. рекордной цифры: книга этого года содержит 768 записей о взятых паспортах [49]. Если учесть, что в «Сборной книге окладных платежей по Ивановской волости» 1781 г. значится 741 тяглец, а книга записи паспортов за этот же 1781 г. фиксирует 753 паспорта, то из этого следует, что многие из крестьян в течение одного года по нескольку раз брали паспорта и уходили на заработки.

К концу 80-х годов отход волостных крестьян значительно сократился (в 1787 г.— 504 паспорта) [50], что было, вероятно, связано с ростом промыслов на местах и главным образом с широким развитием крупных текстильных заведений в селе Иванове, где крестьяне приселья находили применение своей рабочей силе, при этом крестьяне, прибегавшие к отходу, предпочитали окончательное переселение в промышленное село.

Помесячные колебания числа выбираемых паспортов говорят о сезонном характере отхода из приселья. Подавляющая масса отходников брала паспорта в феврале и сентябре, возвращаясь в первом случае ко времени начала сельскохозяйственных работ, а во втором — уходя сразу же по окончании этих работ.

Отход представлял собой явление прогрессивное. Он ускорял проникновение капиталистических элементов в крепостную вотчину и тем самым углублял кризис крепостного хозяйства. На развитии капиталистических элементов с большой силой сказывалось тормозящее воздействие крепостничества. Помещик стремился не допустить полного разорения тяглеца и отрыва его от земли. Крестьянин оставался на грани нищеты, усугубленной полным бесправием и диким произволом. Этим затруднялся полный переход к работе по найму, а без превращения рабочей силы в товар товарное производство не может превратиться в капиталистическое. В то же время крепостническая эксплуатация выколачивала огромные средства из хозяйства капиталистых крестьян, замедляя формирование капиталов, выделение капиталистой верхушки.

★

Подведем итоги. В экономике крестьянского хозяйства России во второй половине XVIII в. были налицо глубокие экономические противоречия, свидетельствующие о разложении крестьянства и вызревании капиталистических отношений. Они наиболее четко обозначились в промышленном селе, которое превращалось в поселение городского типа. Район Иванова относится к числу наиболее развитых районов страны. Но он был далеко не единственным. Подобные торгово-промышленные села с глубоко обозначившимися противоречиями в среде крестьянства существовали на значительной территории промышленного центра страны (Павлово, Васильевское, Ворсма, Вязники, Гаврилова слобода, Писцово и др.). Отмеченные выше экономические противоречия в несравненно меньшей степени проявились в сельскохозяйственной округе. Господство крепостничества сковывало процесс капиталистического развития. Зарождавшиеся в ходе разложения крестьянства «новые типы» сельского населения не могли окончательно превратиться в классы капиталистического общества, так как этому препятствовало крепостное право. Реакционная роль феодальной надстройки обозначилась со всей определенностью. Возраставшее несоответствие между производительными силами и производственными отношениями все настоятельнее ставило вопрос о ликвидации крепостничества.

[48] ЦГАДА, ф. Шереметевых. Ивановское вотчинное правление. 1776—1778 гг., д. 26.
[49] Там же, 1783—1785 гг., д. 28.
[50] Там же, 1786 г., д. 29.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ